

он пришел умирать

В этот день Иосифу Бродскому исполнилось бы 60. Наш корреспондент побывал в Венеции, где спит вечным сном великий русский поэт

Наверное, лучше приехать сюда зимой. Как приезжал сам Бродский. В 1972-м, в первый же свой год вне СССР, он мотанул из Штатов в Венецию на Рождество: «Зимой жизнь более реальна. Для путешественника это – бонус». Стояли декабрь и «сдвинутые пюпитры» дворцов, вода – старый грязный шелк каналов, и (фантастика!) снег.

В июне 1997-го, спустя полтора года со дня смерти поэта, его 29-летней жене Марии удалось организовать перезахоронение с Манхэттена на кладбище Сан-Микеле – печальный островок в лагуне, где, говорят, количество могил превышает число ныне здравствующих венецианцев. «Мой заскок – на заднем плане должна быть Венеция. Она – лучшее, что на земле создано», – говорил Бродский. Так оно и случилось.

Как пройти к Бродскому? Вот вы на главной площади Венеции – Сан-Марко. Это, как говорил Бродский, «камбала» (улочка – «угорь»). Вот его любимый зверь, венецианский лев с крылышками. Как на обложке сборника «Часть речи».

Дальше – Дворец дожей и почерневшая городская тюрьма. Между ними знаменитый мост Вздохов. «Большой дом этот – довольно интересное предприятие. Он построен в форме квадрата, внутри которого существует еще один квадрат. И внутренний сообщается с внешним посредством моста Вздохов», – рассказывал Бродский. Только это еще не про Венецию, а про питерскую тюрьму Кресты, где молодой Иосиф, пройдя советский суд и психушку, сидел за «тунеядство». Оттуда же в 1965-м отправился в ссылку на Север. Ахматова, хлопотавшая за освобождение поэта, заметила: «Какую биографию делают нашему рыжему! Как будто он нарочно кого-то нанял».

В старой островной Венеции нет ни дорог, ни машин. Знаки дорожного движения – на стенах домов. У моста Риальто есть стоянка такси – катерков и гондол. Можно, конечно, добраться до Сан-Микеле с помощью гондольера. Но тогда там и останешься – не на что будет вернуться назад. Катерок – подешевле.

По каналам, по каналам, как по сырому тоннелю. А потом через лагуну – к кладбищу, в последнюю «комнату» Бродского. Кладбище спит под сенью любимых поэтом пиний и кипарисов. Найти могилу несложно. «Кто вы? – спросят у вас, – русские?» И предложат карту-схему островного погоста с тремя именами – Дягилев, Стравинский и Бродский.

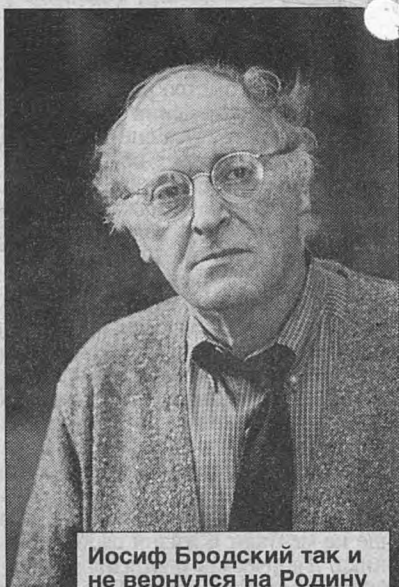
«Меня упрекали во всем, кроме погоды...» – отвечал когда-то своим критикам Бродский. Лауреат Нобелевской премии, профессор крупнейших университетов, кавалер ордена Почетного легиона, почетный гражданин Флоренции – и ни одной награды поэту от исторической родины. Если, конечно, не считать похоронный венок от Бориса Ельцина.

В кладбищенской цветочной лавке цветы зачем-то пакуют в бумагу, будто они – живому. А ведь и правда, к Бродскому идешь как к живому. Только будто в последний раз. Клас-

сик и его могила – извечное несоответствие. Так и тут. Скрамнейшее беломраморное надгробие. Ни креста, ни портрета. Лишь сверху на памяtnичке чья-то рука примостила натюрмортик – камешки и морская звезда. Имя на русском и английском, даты рождения и смерти. Внизу на латыни: Letum non omnia («Смерть еще не конец»).

Под надгробием, в почве есть горстка земли из Питера, с Васильевского острова. Об этом позаботились верные друзья – Анатолий Найман и Евгений Рейн. Прямо на холмике – блокнот с записками от проходящих: «Здравствуй, Иосиф! Как жаль, что тебе больше нельзя позвонить...»

Кого сюда, на Сан-Микеле, еще занесет, сказать трудно. Кого не занесет никогда – догадаться легко. К примеру, тех из соотечественников, кого Иосиф Бродский смешно звал «чуваками»: носителей власти и госбезопасности... «Чуваки» его и впрямь ненавидели. И спустя десятилетия после своего изгнания из СССР Бродский, живя в Нью-Йорке, по-

Иосиф Бродский так и не вернулся на Родину после изгнания.

лучал из Москвы вот такие короткие письма: «Жид недобитый! Будь ты проклят!»

Мог ли Бродский, как тот же Солженицын, вернуться назад сквозь такой грязевой поток? Только книжками стихов. Он и сам это знал еще в 1972-м, когда перед отъездом «из одной империи в другую» писал Брежневу: «Даже если моему народу не нужно мое тело, душа моя ему еще пригодится». Потом даже от поездки в город детства и юности он отказался («Ну мы ведь знаем, что дважды в ту же самую реку вступить невозможно, даже если эта река – Нева»).

...Прибираю могилку. Сухостой, окурки кидаю в соседнюю кучу мусора. Хорошо бы покурить. Сам Бродский, не смотря на все свои инфаркты, курил беспрестанно. Покупал легкий «Кент», отламывал фильтр. Так, говорят, было летом 1995-го в предместьях Хельсинки, где он последний раз читал свои стихи перед публикой. Там, в Хельсинки, было еще полгода до кончины. И каких-то полтора часа на катере до Питера, если прямо через залив.

Нам до него сегодня и того ближе – достаточно снять с полки книжку стихов.

Наталья ОСТРОВСКАЯ.
Фото Марка ШТЕЙНБОКА.